

Ги Бретон

ВЕРСАЛЬ НА ДВОИХ

**Книга
о галантной
любви
Короля-Солнца
и прекрасных
дамах
Версаля**

ФРАНЦИЯ
ВЕК XVII

Ги Бретон Версаль на двоих. Книга о галантной любви Короля-Солнца и прекрасных дамах Версаля

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371268

Версаль на двоих: Алгоритм; М.; 2009

ISBN 978-5-699-38433-4

Аннотация

С 1660-х годов маленький, окруженный лесами охотничий замок волей Людовика XIV превратился в величественный дворец, обрамленный грандиозным парком. Среди лужаек и рощ Версальского парка, там, где распускались водяными цветами многочисленные фонтаны, Король-Солнце гулял с дамами своего сердца. Сколько их было? Какая разница... Каждая из них была единственной и неповторимой для короля, и Версаль существовал только для нее и для него...

О галантной любви Короля-Солнца и любовных интригах Версаля рассказывается в этой книге.

Содержание

Анна Австрийская и кардинал Мазарини	4
Два любовных письма и план убийства Мазарини	16
Чтобы остановить Фронду, Конде хочет дать Анне Австрийской любовника	30
Камеристка лишает невинности Людовика XIV	52
Мария Манчини превращает Людовика XIV в Короля-Солнце	60
Женитьба Людовика XIV	74
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ги Бретон

Версаль на двоих

Анна Австрийская и кардинал Мазарини

*Поразительно, до каких глупостей могут прийти
мужчина и женщина, если им приходится таиться.
Андре Фабр*

20 апреля 1643 года Людовик XIII, чувствуя близкую кончину, призвал к себе членов парламента и зачитал им, в присутствии Анны Австрийской, свою последнюю волю, весьма оскорбительную для королевы:

– Пока мой сын не достигнет совершеннолетия, королевством будет управлять регентский совет, а не регентша. В этом совете королева будет обладать правом одного голоса, и все решения будут приниматься большинством голосов.

Анна Австрийская смертельно побледнела, а в комнате установилось тягостное молчание.

Уже давно всем было известно, что Людовик XIII не доверяет своей супруге; но никто и помыслить не мог, что она подвергнется подобному публичному унижению. Однако этим дело не кончилось. Король вновь заговорил и, обра-

щаяся к членам парламента, слабым голосом произнес, «что королева все испортит, если станет регентшей, как покойная королева-мать».

На этот раз Анна Австрийская в слезах бросилась к изголовью мужа. Однако Людовик XIII приказал ей подняться, ибо он хорошо ее знал и испытывал к ней презрение.

Общее смущение еще более усилилось.

Чтобы действовать наверняка, монарх потребовал от Анны поставить свою подпись под только что прочитанным завещанием. Сам же он еще прежде начертал собственноручное примечание: «Изложенное выше есть моя последняя твердая воля, которую всем надлежит исполнять».

Королева подписала, рассудив, что в подобный момент спорить не следует; но на следующий же день после смерти короля, случившейся 15 мая, она явилась в парламент и, добившись отмены королевского завещания, получила «право свободно и полновластно распоряжаться делами королевства» на время малолетства Людовика XIV, «призывая на свой совет особ безупречной честности и обладающих опытом, число коих она сама определит... но при этом никоим образом не будет обязана следовать решению, принятому большинством голосов».

Это был настоящий государственный переворот.

Сразу же ко двору стали во множестве стекаться те, кто был изгнан Людовиком XIII. Все они нашли королеву преобразившейся. Всего за несколько дней легкомысленная и вет-

ренная женщина обрела подлинно королевское величие.

Впрочем, она вовсе не жаждала власти и, отменяя королевское завещание, преследовала только одну цель: поставить во главе государства своего любовника. Первым министром стал Мазарини.

Весь Париж был потрясен до глубины души. Никто не ведал, с помощью каких пружин удалось удержаться кардиналу, который открыто признавался, что хочет вернуться в Италию. Когда же стали известными «Мемуары» Ла Порта, камердинера Анны Австрийской, то все поняли, что королева и Мазарини с первой же минуты действовали заодно. С тех пор начались весьма нелестные толки относительно привязанности королевы к этому министру, обладавшему очень красивой наружностью.

Всегда вольные в речах, парижане стали без стеснения говорить, что «каждый раз, когда Мазарини пускает в ход свою «пипку», он потрясает устои государства».

Король Людовик XIII

В самом деле, все были убеждены, что эту женщину со-рока двух лет и этого итальянца, который был на год младше, связывают самые нежные узы. Над любовниками потешались в открытую, а школяры, дерзкие и непочтительные во все времена, именовали регентшу «шлюхой кардинала». Вскоре это прозвище вышло за пределы Латинского квартала и было подхвачено кумушками на рынке, а также мелкими торговцами. Тогда мадемуазель де От-фор решилась намекнуть ее величеству, что в городе ходят дурные слухи.

Анна Австрийская была умна. Она ответила, улыбаясь:

– Все эти толки не имеют под собой никаких оснований. По той простой причине, что кардинал не выносит женщин. Он родом из страны, где у мужчин совсем другие наклонности.

Из чего следует, что регентша, дабы отвести от себя подозрения, готова была обвинить любовника в содомском грехе.

Однако никого это не обмануло, и Ла Порт, а затем мадам де Бриен также сочли своим долгом уведомить Анну о том, что в народе продолжает ходить худая молва о ее связи с кардиналом. Но если первого постигла такая же неудача, как и мадемуазель де Отфор, то второй, напротив, удалось добиться некоторой откровенности.

– Признаюсь тебе, что люблю его, – сказала королева, по-

краснев до ушей, – даже больше того: люблю пылко, но чувства мои не затронуты; это мой разум пленился возвышенной красотой его ума.

И она поклялась на образке, что отныне прервет любую беседу с Мазарини, если тот позволит себе завести разговор на темы, не связанные с государственными делами.

Однако поздним вечером она вновь впустила в свою спальню кардинала, который, как и в прошлые ночи, утолил все ее желания.

Вспомнила ли она о своем обещании, пока любовник «наполнял ей корзинку», как изящно выражались в те времена? Такое трудно предположить...

* * *

В одно октябрьское утро 1643 года парижане узнали, что Мазарини выиграл в пикет дворец Тюбеф.

Мгновенно из уст в уста начали передаваться шутки, весьма нелестные для регентши.

Когда же стало известно, что первый министр собирается переехать из Клевского дворца, что стоял рядом с Лувром, на улицу Тюбеф, простонародье шумно возликовало.

– Семейка-то развалилась, – судачили кумушки, прыскавая со смеху. – Королева и кардинал расстаются.

Радость оказалась недолгой. 11 октября Анна Австрий-

ская, которой не терпелось вернуть приятное соседство, покинула Лувр и обосновалась в Пале Кардинал, подаренный королю герцогом де Ришелье: теперь, чтобы попасть к регентше, Мазаринин нужно было всего лишь пройти через сад. Министр приказал пробить потайную дверь в стене, окружавшей сад, и ничто отныне не препятствовало ему каждую ночь «задавать корм» вдове Людовика XIII.

Бедная женщина, давно лишенная мужской ласки, ждала этого момента с нетерпением, которого не могла скрыть. Прижавшись лбом к стеклу, она неотрывно глядела в сад и бледнела, едва заслышав шуршание сухих листьев под шагами Мазарини.

Однажды он не пришел. Не помня себя от тревоги, регентша послала на улицу Тюбеф верного Ла Порты. Камердинер вернулся с ужасной вестью: кардинал заболел желтухой.

В народе эта новость вызвала веселое оживление, и вновь стали распространяться язвительные шутки по адресу Анны Австрийской.

– Без причины никто не желтеет, – говорили тогда.

Но и на этот раз королеве удалось пресечь досужие разговоры.

Проявив изумительную отвагу, она заявила 19 ноября в присутствии всех членов совета, что «ввиду недомогания господина кардинала, ввиду того, что ему тяжело каждый день проходить через сад, дабы попасть в Пале Рояль, и учитывая, что ежечасно происходят события, о которых ему сле-

дует докладывать, она считает необходимым предоставить ему апартаменты в Пале-Рояль, дабы иметь возможность должным образом обсуждать означенные дела».

Решение королевы было одобрено под рукоплескания господ министров.

Министры имели полное право аплодировать, ибо на сей раз влюбленные соединились под одной крышей.

Кардиналу отвели покои во дворе, который выходит на улицу Бонзанфан; отныне счастливому любовнику, чтобы попасть к королеве, нужно было лишь подняться по потайной лестнице.

Необыкновенная отвага со стороны женщины, которая еще два месяца назад краснела при одном упоминании Мазарини и стремилась всеми средствами – вплоть до самых экстравагантных – скрыть свою связь с ним, настолько удивила публику, что вскоре в городе стали шептаться, что любовники вступили в тайный брак.

Так впервые было высказано предположение, над разгадкой которого будут биться многие поколения историков.

Прежде чем мы в свою очередь займемся им, предоставим слово современникам.

Автор «Гражданского прошения», вышедшего в свет в 1649 году, пишет, например, о королеве и кардинале следующее: «Если правда, что они тайно поженились и что отец Венсан утвердил брачный контракт, они вправе делать то, что все видят, и много больше того, что всем известно».

Автор брошюры «Следствие умолчания на кончике пальца», также появившейся в 1649 году, вторит предыдущему: «К чему порицать королеву за любовь к кардиналу? Это ее обязанность, если правду говорят, что они поженились и что отец Венсан утвердил их брак, полностью его одоблив».

И уж совсем категорична принцесса Пфальцская. В своих «Мемуарах» она без тени колебаний утверждает: «Королева-мать, вдова Людовика XIII, не только была любовницей кардинала Мазарини, но и вступила с ним в брак; он не был священником и не давал обета безбрачия, а потому ничто не мешало ему жениться. В Пале Рояле до сих пор можно видеть потайную лестницу, по которой он каждый вечер отправлялся в покои королевы. Об этом тайном браке знала старуха Бове, главная камеристка регентши, и королеве приходилось сносить все прихоти своей наперсницы».

Итак, Мазарини и Анна Австрийская, судя по всему, состояли в тайном браке. Впрочем, дополнительным подтверждением может служить поведение священнослужителей и монахинь.

Анна Австрийская отличалась набожностью и регулярно навещала монастырь в Валь де Грае. Однако совершенно немыслимо представить, чтобы святые сестры так долго терпели связь, о которой не могли не знать и которую, конечно, сочли бы преступной.

Следовательно, в силу того, что с королевой не порывал будущий святой Венсан де Поль и что сама она продолжала

с должным благочестием исполнять все предписанные обряды, есть все основания полагать, что сожителство двух прославленных любовников было введено в надлежащие рамки.

Королева Анна Австрийская

Остается выяснить, отчего союз этот пребывал под покровом тайны, хотя оглашение его пресекло бы все пересуды, оскорбительные для репутации королевы. Ибо никаких формальных препятствий не существовало: Мазарини был светским кардиналом и не давал обета безбрачия. Граф де Сен-Олер вкладывает в уста сторонников брака аргумент, не лишенный оснований: «Сохранение тайны преследовало политические цели: избежать в сто раз худшего скандала, ибо к любовной связи народ отнесся бы гораздо снисходительней, нежели к замужеству королевы; избежать толков, которые привели бы публику в еще большую ярость, что нерушимость брачных уз означает несменяемость министра...»

Итак?

Видимо, можно почти наверняка утверждать, что королева, обращаясь к Мазарини, имела полное право называть его Жюль, супруг мой или же монсеньер...

Два любовных письма и план убийства Мазарини

*Переворот в сердце женщины почти всегда
предвещает переворот в делах.*

М. Тома

Пока Анна Австрийская и кардинал устремлялись к небесному блаженству путями, не вполне согласными с учением катехизиса, несколько красивых женщин с успехом превращали двор в подобие осинового гнезда.

Франция находилась тогда в состоянии анархии, но к сражениям примешивались шутки, а мятежи напоминали водевиль. Всем тогда заправляли женщины. В ту эпоху они были проникнуты фракционным духом, отнюдь не чуждым, как обыкновенно полагают, их природе. Одни обладали способностью затевать интригу, другие присоединялись к ней. Каждая строила козни и конспирировала в соответствии со своими интересами и склонностями. Все заговоры составлялись по ночам, а душой их была женщина, лежавшая в постели или раскинувшаяся в креслах. Самые значительные события происходили вследствие тайных слабостей. Пружиной всех интриг была любовь.

Подтверждением этому служит необыкновенная драма, разразившаяся в конце 1643 года.

Самыми красивыми женщинами при Дворе считались в то время мадам де Лонгвиль и мадам де Монбазон. Трудно было бы найти большее различие во внешности: первая походила на белокурого ангела с бирюзовыми глазами, а вторая была брюнеткой с пышными формами, громким голосом и заливистым смехом. К физическому несхождению добавлялась разительная противоположность семейных связей, вкусов и политических пристрастий. Мадам де Лонгвиль была дочерью принца Конде и сестрой герцога Энгиенского (будущего Великого Конде). В силу этого она пользовалась безусловным расположением регентши и Мазарини.

Напротив, мадам де Монбазон стала очень молодой свекровью неисправимой герцогини де Шеврез, которая уже начала конспирировать против кардинала. Итак, она принадлежала к знаменитой группе «важных особ», намеревавшихся изгнать – или даже убить – Мазарини, что вызывало справедливые опасения королевы.

Наконец, вражда обеих женщин покоилась и на любовных связях: белокурая герцогиня, отказавшись стать женой герцога де Бофора, по приказу отца вышла замуж за старого герцога де Лонгвиля, тридцатью годами старше ее. Между тем темноволосая мадам де Монбазон, сочетавшая вулканический темперамент с крайним легкомыслием, была любовницей одновременно герцога де Бофора, отвергнутого воздыхателя мадам де Лонгвиль, и самого герцога де Лонгвиля...

Естественно, обе дамы люто ненавидели друг друга, хотя мадам де Лонгвиль относилась к похождениям своего супруга с полным безразличием. Она никогда не любила старика, с которым вынуждена была делить ложе, и даже радовалась, что он обзавелся любовницей, ибо теперь ничто не мешало ей наслаждаться нежной идиллией с Морисом де Колиньи...

Ситуация была несколько запутанной, но все это продолжалось довольно значительное время, как вдруг на приеме у мадам де Монбазон одна из ее придворных дам заметила на ковре два письма, оброненных по оплошности кем-то из гостей. Едва развернув их, она поняла, что это любовные послания, и тут же передала письма герцогине, которая забавы ради стала читать их вслух. Присутствующие дружно смеялись, а затем на смену веселью пришло любопытство, на смену любопытству – подозрение, переросшее почти в уверенность, что записочки выпали из кармана недавно ушедшего Колиньи, который, если верить слухам, был страстно влюблен в мадам де Лонгвиль.

В одно мгновение мадам де Монбазон составила план, достойный Макиавелли, намереваясь одним ударом очернить репутацию соперницы и уязвить гордых Конде, соперничавших с «важными особами».

Вот эти письма:

«Я гораздо меньше сожалела бы о том, что вы переменились ко мне, если бы полагала, что не ответила должным об-

разом на вашу любовь. Признаюсь вам, она казалась мне искренней и сильной, вы же получили все, что могло бы удовлетворить самые страстные ваши желания. Но теперь не ждите от меня ничего, кроме уважения, к которому обязывает меня ваша скромность. Я слишком горда, чтобы делиться с кем бы то ни было любовью, в которой вы мне столько раз клялись, и наказанием за ваше пренебрежение будет лишь мой полный отказ от чувства к вам. Прошу вас не приходить более ко мне, поскольку я лишилась права приказывать вам это».

К записочке, декларирующей разрыв отношений, было приложено второе послание, написанное тем же почерком:

«На что вы надеялись после столь долгого молчания? Разве вы не знаете, что гордость, заставившая меня ценить ваше бывшее чувство, ныне запрещает мне страдать от его ложной видимости? Вы говорите, что мои подозрения и непостоянство делают вас несчастнейшим человеком в мире. Позвольте сказать вам, что совершенно в это не верю, хотя и не могу отрицать, что вы действительно пылко меня любили, равно как и вы должны признать, что были должным образом вознаграждены. Будем справедливы по отношению друг к другу, и я сохраню доброе чувство к вам, если ваше поведение не нанесет ущерба моей чести. Мои доводы показались бы вам более убедительными, если бы вы спросили свое сердце; теперь же ваша страсть пробуждается из за невозможности

увидеться со мной. Я страдаю от недостатка любви, а вы от излишней пылкости. Нам следует все переменить, и я сумею исполнить свой долг, тогда как вы не должны пренебрегать своим. Это не означает, что я забыла, каким образом вы провели со мной эту зиму, и я говорю с вами столь же откровенно, как и в былые времена. Надеюсь, это пойдет вам на пользу, а мне самой не придется впоследствии сожалеть, что была побеждена моя решимость более не возвращаться к прежнему. Квартиру я оставляю за собой, но буду появляться там только по вечерам; вам известно, чем это вызвано...»

Эти любовные письма могут показаться вполне невинными, если сравнить их со страстными и откровенными посланиями королевы Марго...

Но не следует обманываться на сей счет. Возникшая в то время изумительная непринужденность в обращении с французским языком позволяла выразить все, сохраняя внешнюю благопристойность. И люди того времени прекрасно умели возвращать словам их подлинный смысл. Фраза «я не забыла, каким образом вы провели со мной зиму» означала для них весьма откровенное признание: «я с наслаждением вспоминаю о ночах, полных неги, проведенных нами в одной постели...».

Мадам де Монбазон в совершенстве владела подобным языком, и по письмам любой счел бы ее святой женщиной, помышлявшей лишь о платонической любви, тогда как в

действительности она вела себя, как настоящая потаскуха. Одного примера будет достаточно. Однажды на балу в ее доме на улице Барбет придворная дама обратила внимание на странно колыхавшиеся бархатные занавески. Вообразив, что там спрятался шпион, нанятый Мазарини, она призвала на помощь герцога де Гиза.

Тот, обнажив шпагу, резко раздвинул портьеры.

А потом не знал, куда деваться от смущения.

Ибо за занавесками находилась мадам де Монбазон в компании с неким дворянином, и оба исступленно занимались любовью в амбразуре окна.

Итак, для соперницы мадам де Лонгвиль не составляло труда перевести на общепонятный язык письма, и мадам де Монбазон проделала это с присущим ей злобным остроумием. На следующий день весь Париж со смехом повторял, что белокурая герцогиня – любовница Мориса де Колиньи.

Принцесса Конде с большим неудовольствием узнала, что мадам де Монбазон распространяет клеветнические слухи о ее дочери, и обратилась за защитой к регентше. Двор тут же разделился на две враждебные партии: «важные особы» поддерживали мадам де Монбазон, а противостояли им друзья Мазарини.

Анна Австрийская, ощущая неловкость от того, что приходится вмешиваться в любовную историю, приказала все же выяснить все обстоятельства дела. Обнаружилось, что послания, написанные вовсе не мадам де Лонгвиль, а мадам де

Фукроль, были адресованы графу де Молеврье.

Под давлением всего семейства Конде королева объявила, что мадам де Монбазон должна принести публичные извинения принцессе.

«Важные особы» расценили это решение как чрезвычайно несправедливое, оскорбительное для Вандомов и Гизов. В результате был составлен заговор с целью убийства Мазарини...

Последствия могли быть сокрушительными для всего королевства. Таким образом, трон едва не рухнул из-за двух любовных писем...

* * *

В назначенный королевой день мадам де Монбазон, «роскошно одетая», водрузив на голову плюмаж из красных перьев, унижав пальцы драгоценными перстнями и скривив рот в презрительной улыбке, явилась во дворец Конде.

Едва завидев ее, обрадованные лакеи поняли, что дело добром не кончится, и поторопились занять лучшие места, дабы ничего не упустить из предстоящего зрелища.

Мадам де Монбазон провели в гостиную, где в окружении многочисленных друзей ее ожидала принцесса. Герцогиня вошла с полной непринужденностью. Смерив высокомерным взором мать своей соперницы и не сочтя нужным поклониться, она стала зачитывать извинение с листка, при-

колотого к вееру. Она вела себя чрезвычайно надменно, и на самом лице ее, казалось, было написано: «Все эти жалкие слова я не ставлю ни в грош».

Дойдя до фразы «заклинаю поверить мне, что всегда буду с должным уважением относиться к вам, равно как и к мадам де Лонгвиль, чьи добродетели и достоинства общеизвестны», она громко фыркнула, и это привело присутствующих в негодование.

Взбешенная принцесса Конде, скрипя зубами, произнесла несколько любезных ответных фраз, подсказанных ей регентшей, и в гостиной установилось тяжелое молчание. Мадам де Монбазон насмешливо улыбнулась и, не простившись, удалилась.

После этой сцены принцесса Конде, раздосадованная наглым поведением герцогини, попросила избавить ее от общества мадам де Монбазон. Однако через какое-то время мадам де Шеврез затеяла небольшой пикник в саду Ренара, примыкавшем к Тюильри: там обосновалась кондитерская лавка, и придворные щеголи частенько заходили туда, чтобы съесть пирожное и послушать серенады, исполняемые на испанский манер. Королева очень любила этот уголок. Она с удовольствием приняла приглашение мадам де Шеврез и попросила принцессу Конде сопровождать ее.

– Будет ли там мадам де Монбазон?

– Нет, – ответила королева, которая была в курсе всех событий, – у нее несварение желудка, и она принимала слаби-

тельное сегодня утром.

Мадам де Монбазон

Разумеется, никакое слабительное не помешало мадам де Монбазон появиться в саду: всюду слышались раскаты ее громкого голоса и звонкий смех. Принцесса хотела уйти потихоньку, чтобы не портить праздник, однако королева, которой пришла в голову необычная мысль, удержала ее. Подозвав одну из своих придворных дам, она сказала:

– Будьте любезны передать мадам де Монбазон мою просьбу почувствовать себя плохо, дабы она могла удалиться отсюда без ущерба для своей репутации.

Получив этот странный приказ, герцогиня расхохоталась, а затем, надувшись, отпустила несколько грубых шуточек по адресу принцессы Конде и отказалась покинуть сад.

Разгневанная Анна Австрийская немедленно вернулась во дворец в сопровождении своей подруги.

На следующий день мадам де Монбазон было велено оставить Париж и без промедления отправиться в Рошфор, где у нее был дом...

* * *

Это изгнание привело в ярость «важных особ», которые словно сорвались с цепи. Они сочли себя униженными и оскорбленными и помышляли только о мести. Герцог де Бо-

фор, чье самолюбие было жестоко уязвлено, неистовствовал: в этом конфликте страдала не только его репутация, но и любовь. В Вандомском дворце уже давно обсуждались самые крайние меры, но теперь решено было перейти к действиям, и был составлен план убийства Мазарини.

На сей раз «важные особы» приступили к исполнению своего плана незамедлительно.

Однажды вечером Мазарини был приглашен ужинать в Мезон, к Рене де Лонгею. На дороге были расставлены убийцы, получившие соответствующие инструкции. Вандомы, Гизы и мадам де Шеврез, пользуясь тем, что двор разделился из-за путаного дела с любовными письмами, желали одним ударом избавиться от Мазарини, припугнуть регентшу и обрести прежнее влияние, сделав своего друга Шатонефа первым министром.

Итак, они с удовольствием смотрели, как кардинал садится в карету. Все шло, как было задумано. Но в тот момент, когда слуга собирался закрыть дверцу кареты, на пороге появился принц Гастон Орлеанский – оживленный и радостный, ибо дом Рене де Лонгея славился своими поварами.

– Минуточку, – воскликнул Гастон Орлеанский, смеясь, – я поеду с вами в Мезон. Хороший ужин превыше всего.

И он сел в карету рядом с кардиналом. «Важные особы», следившие за отъездом, были сражены наповал. Едва карета скрылась из виду, как они послали к убийцам всадника с приказом ничего не предпринимать.

Нельзя же было, в самом деле, рисковать жизнью герцога Орлеанского, первого принца крови. Так Мазарини избежал смерти благодаря чревоугодию герцога Орлеанского...

На следующий день некоторые из убийц изливали свою досаду столь громко и откровенно, что привлекли внимание полиции кардинала. Мазарини, извещенный о заговоре, предпринял все необходимые меры, согласовав их с регентшей: герцог де Бофор был арестован.

Вандомиам было предложено удалиться из Парижа; мадам де Шеврез была отправлена в изгнание сначала в Дампьер, а затем в Анжу, Шатонейф – в Турень, епископ Потье – в Бове. Одним словом, группа «важных особ» прекратила свое существование, и мадемуазель де Монпансье сообщает нам, что «при дворе в самое короткое время все разительно переменилось; эта решительная расправа очень укрепила власть кардинала Мазарини».

А через некоторое время в Париже стало известно о любовном приключении мадам де Монбазон в ее рошфорском заточении. История наделала много шума и выставила в самом смешном виде нимфу Эгерию, вдохновлявшую своими советами «важных особ».

Однажды герцогиня принимала у себя любовника, когда ее муж, занимавший спальню этажом ниже, поднялся к ней и отворил дверь.

– Мне послышался какой-то шорох, – сказал он, – наверное, это была крыса?

– В самом деле, – ответила мадам де Монбазон, – но не волнуйтесь, я ее уже держу.

Эта невероятная наглость имела самые неожиданные последствия: любовник, спрятанный под простынями, не выдержав, захохотал во все горло. Несчастному пришлось удирать из спальни голым, спасаясь от разъяренного старого герцога...

* * *

Казалось, дело с письмами завершилось. Однако оставался еще один персонаж этой драмы, который до сих пор не проронил ни слова (по просьбе мадам де Лонгвиль), а в декабре 1643 года вдруг обнаружил желание защитить честь как свою, так и дамы сердца. Это был Морис де Колиньи. Поскольку Бофор и Вандомы оказались вне досягаемости, он решил вызвать на дуэль единственную «важную особу», оставшуюся в Париже, – герцога де Гиза.

Поединок состоялся на площади Рояль в присутствии мадам де Лонгвиль, которой, видимо, хотелось увидеть собственными глазами схватку, где вновь сошлись Гиз и Колиньи... Последнему, впрочем, не повезло: он был ранен в руку, которую пришлось ампутировать, и парижане уже на следующий день стали распевать сочувственные куплеты:

Утрите ваши глазки,

Прекрасная Лонгвиль,
Утрите ваши глазки,
Он жив, ваш Колиньи.
Его вы не браните,
Он хочет жить затем,
Чтоб вы его любили,
Чтоб быть у ваших ног.

Увы! У несчастного началось заражение крови, и спустя пять дней Колиньи умер.

«Таким образом, – говорит мадемуазель де Монпансье в своих «Мемуарах», – завершилась комедия, нанесящая большой ущерб королевской власти и посеявшая первые семена разногласий и беспорядков... Можно сказать, здесь таится исток смуты, так долго сотрясавшей Францию».

В самом деле, из интриг и заговоров, возникших вследствие двух любовных писем, выросло движение против королевской власти – Фронда...

Чтобы остановить Фронду, Конде хочет дать Анне Австрийской любовника

*Слабый пол принимал большое участие в
событиях Фронды, и эта шутовская революция
была почти целиком делом рук женщин.*

Ж.-А. де Сегюр

В начале 1644 года нападки на Мазарини потеряли свою остроту. Народ, не способный к продолжительной ненависти, лишь повторял со смехом и с перемигиваниями то, что впоследствии напишут историки в своих трудах: «Кардинал был первым министром при Анне Австрийской».

Шутка эта не отличалась тонким остроумием, но обладала достаточной скабрёзностью, чтобы парижане вели себя спокойно в течение четырех лет.

Но в 1648 году из-за пустякового повышения налогов вдруг разразился с необыкновенной силой мятеж против человека, разделявшего ложе королевы.

Внезапно парламент, охваченный демагогическим рвением, восстал против своего первого министра, потребовав сократить подати, защитить доходы и учредить специальную палату правосудия, дабы «должным образом карались лихоимство и злоупотребление в сфере финансов».

Разногласия не были серьезными и могли быть легко улажены, если бы в дело не вмешалось несколько красивых дам, чрезмерно возбужденных начавшимися беспорядками. Нужно сказать, что женщины, которые, как мы уже видели, часто служат причиной великих потрясений, более восприимчивы, нежели мужчины, к безумным помыслам. Между тем Европа сотрясалась в мучительных конвульсиях. Англия, под водительством Кромвеля, подняла руку на собственного монарха – короля Карла I судили и обезглавили подданные, а в это же время янычарами был удушен султан Ибрагим...

Словно бы опьяненные порывами отравленного ветра, женщины неожиданно впали в самое настоящее иступление. Мадам де Лонгвиль, мадам де Шеврез, мадемуазель де Шеврез, мадемуазель де Монпансье, чье затянувшееся девство болезненно влияло на рассудок, прекрасная Анна де Гонзага, будущая принцесса Пфальцская, вдруг занялись политикой и стали командовать мужчинами, подстрекая их к крайним мерам.

Очень скоро болезнь поразила всех дам и юных барышень королевства. Сент-Бёв рассказывает нам, что говорил Мазарини о современных ему француженках первому министру Испании дону Луису де Аро: «Добродетельная женщина не ляжет спать с мужем, а доступная бабенка с любовником, не обсудив с ними прежде государственные дела; они желают все видеть, все слышать, все знать, но и это еще не самое

худшее, потому что им хочется во всем принимать участие и во все вносить смуту. В особенности три дамы – герцогиня де Лонгвиль, герцогиня де Шеврез, принцесса Пфальцская – привносят в нашу жизнь такой беспорядок, какого не испытывал даже Вавилон».

Смута и в самом деле оказалась настолько беспорядочной, что почти невозможно написать последовательную историю этой необыкновенной гражданской войны.

Под влиянием легкомысленных, безрассудных или капризных женщин такие люди, как Ларошфуко и Конде, без конца меняли союзников, переходя из правительственного лагеря в партию самой радикальной оппозиции и обратно. Непостоянство было отличительной чертой Фронды, которую один из историков сравнивает с балетом...

* * *

Все началось, как известно, с ареста Брюсселя, влиятельного члена парламента. За несколько часов парижане извлекли из своих погребов все пустые бочки, и 26 августа в городе возникло около двух тысяч баррикад.

К утру 27 августа сто тысяч вооруженных людей охраняло улицы...

Столица восстала, подстрекаемая тайными агентами весьма странного священнослужителя, который радостно потирал руки, оставаясь все время за кулисами.

Его звали Поль де Гонди, и он занимал должность коадьютора при парижском архиепископе. Однако известность он обретет под именем кардинала де Реца.

Этот человек, которому суждено было стать одним из величайших смутьянов XVII века, выплыл на поверхность политической жизни довольно неожиданно. Вероятнее всего, он так и остался бы в безвестности, если бы — отметим этот факт, ибо благодаря ему лишний раз подтверждается значение любви — не имел такой склонности к распутству. В самом деле, возвышением своим он был обязан женщине. История эта весьма любопытна; предоставим слово одному из авторов XVIII века:

«Страстное увлечение женским полом обнаружилось у знаменитого кардинала де Реца уже в ранней юности: камердинер его, заметив это, стараясь ублажить хозяина, делал все, чтобы удовлетворить его похоть. Недостойный слуга рыскал всюду, отыскивая привлекательных девиц и соблазняя их деньгами. Наконец, он уговорил одну гнусную владелицу булавочной лавки продать ему за полторы тысячи ливров племянницу, которой было всего четырнадцать лет и которая отличалась ослепительной красотой. Юная жертва алчности и блуда была доставлена в Исси, где ее ожидало бесчестие; при ней находилась старшая сестра, дабы подготовить ее к этому ужасному испытанию.

На следующий день молодой аббат примчался в Исси; но едва он подступил к несчастной девочке, как та залилась

краской, на глазах у нее выступили слезы, вся она затрепетала от страха, почти потеряв сознание.

Добродетель всегда вызывает к себе уважение, и в ее присутствии порок умолкает. Аббат де Гонди, совершенно забыв о цели своего визита, помышлял теперь только о том, чтобы утешить несчастную, и расстался с ней, так и не удовлетворив своих желаний.

Однако он не мог забыть о прелестном создании и, чувствуя, как все сильнее разгорается в нем страсть, на следующий день снова устремился в Исси, намереваясь потребовать то, что принадлежало ему по праву. Девушка стала говорить, что он прогневит небо, если обесчестит ее против воли; что не подобает ему пользоваться низостью и за деньги покупать девственность.

Наконец, голос ее пресекся от слез и тяжелых вздохов. Она упала перед молодым аббатом на колени. Тот был потрясен до глубины души добродетелью столь юной девушки: краснея при мысли, что намеревался посягнуть на такую чистоту, он решил должным образом обеспечить будущность девицы.

Когда стемнело, он усадил ее в карету и повез к своей тетке мадам де Менъеле, которая отличалась чрезвычайной набожностью. Рассказав всю историю, он попросил ее взять молодую особу под свое покровительство».

Набожная тетушка, растроганная поступком племянника, тут же рассказала о нем епископу де Лизье.

Следует признаться, что нам это намерение кажется довольно странным, но, очевидно, мадам де Менъеле была права. Ибо прелат пришел в восторг, узнав, что Гонди добровольно отказался от мысли изнасиловать девочку четырнадцати лет.

— Это святой человек! — вскричал он. — Он должен быть вознагражден. Я поговорю о нем с королем и с кардиналом де Ришелье.

И в тот же вечер епископ рассказал во дворце историю прекрасной булавочницы.

«Людовик XIII, — продолжает наш автор, — превыше всего ценил честь и порядочность, а потому проникся к аббату де Гонди любовью и уважением и перед смертью приказал королеве даровать ему коадьюторство при парижском архиепископе, говоря, что никогда не забывал об этом молодом человеке с тех пор, как епископ де Лизье рассказал ему историю с племянницей булавочницы».

И наш автор заключает не без ехидства: «Вот как случилось, что слезы молодой девушки вознесли молодого аббата на ту высоту, где его таланты обольстителя развернулись в полную меру, благодаря чему он сумел разжечь во Франции гражданскую войну».

Действительно, коадьютор, мечтавший встать во главе партии и занять первенствующее положение в Париже, с большой ловкостью использовал свои таланты. Пока парижане натягивали цепи через улицы, называя себя «фронде-

рами» по имени игры, которой забавлялись мальчишки на городском валу, де Гонди, облачившись в самую красивую свою сутану, размышлял в тиши кабинета во дворце архиепископа, каким образом свести счеты с Мазарини.

Тот вскоре осознал грозившую ему опасность. В полном смятении приказав упаковать вещи, 13 сентября в шесть часов утра он покинул Париж вместе с Анной Австрийской и маленьким королем, дрожавшим от страха.

Парижане, раздосадованные этим бегством, в отместку сочинили множество похабных песенок о регентше и кардинале. Появились невероятные по дерзости памфлеты, которые переходили из рук в руки и пользовались бешеным успехом. В одном из них, под названием «Шкатулка королевы признается во всем», Анну Австрийскую обвинили в том, что именно она приобщила кардинала к пороку, который обычно приписывается итальянцам.

* * *

24 октября был подписан Вестфальский договор, закончивший Тридцатилетнюю войну в Европе. Это придало Мазарини уверенности и несколько укрепило его власть. Вскоре регентша и король вернулись в Париж.

Для коадьютора это было ударом. Отныне ему нужна была поддержка человека, обладающего достаточным влиянием, чтобы служить знаменем партии и внести успокоение в серд-

ца парижан. Он обратился к Конде, однако тот, хоть и терпеть не мог Мазарини, все же не желал участвовать в предприятии, грозившем опрокинуть трон, и встал на сторону королевы.

Взбешенный Поль де Гонди решил тогда переманить в ряды фрондеров родного брата Конде – принца де Конти.

Этот принц, отнюдь не блиставший умом, – коадьютор говорил про него, что «это ноль, способный умножать только в силу своей принадлежности к принцам крови», – с момента вступления в половую зрелость не сводил глаз с собственной сестры – мадам де Лонгвиль, безумно в нее влюбившись. На руке он носил одну из ее подвязок, и многие злоязычные люди не стеснялись утверждать, что мадам де Лонгвиль, тронутая этой пылкой страстью, дарила его иногда своими милостями.

Хорошо зная все эти пересуды, Поль де Гонди нанес визит мадам де Лонгвиль и убедил ее, что она может сыграть выдающуюся роль в делах Фронды.

Красивая герцогиня пришла в необычайное возбуждение. Уже давно она лелеяла мечту, что Конде станет регентом вместо Анны Австрийской, и теперь с радостью ухватилась за представившуюся возможность, пообещав, что Конти непременно войдет в коалицию.

Вечером одного ее слова хватило, чтобы принц де Конти без колебаний присоединился к партии коадьютора.

Желая польстить влиятельной женщине, коадьютор при-

нял решение, что все совещания будут происходить у нее. Итак, почти каждый вечер маршал де ла Мот, герцог Буйонский, Бофор, Конти и все прочие собирались в Нуази ле Руа, рядом с Версалем, где обосновалась сестра Великого Конде.

Они болтали и шутили, стремясь превзойти друг друга в остроумии, а между делом готовились ввергнуть Францию в кровавую бойню...

Естественно, коадьютор вскоре пал жертвой бирюзовых глаз прекрасной герцогини. «У меня возникло сильнейшее желание, – пишет он, – поместить ее в центре между мадам де Гемене и мадам де Помре. Не скажу, что она сама согласилась бы на это: скажу только, что эта мысль, поначалу очень для меня желанная, была оставлена мною отнюдь не из-за невозможности ее осуществления».

Он считал все же более разумным не домогаться любви герцогини, чей брат Конти был необходим Фронде, чей муж герцог де Лонгвиль мог быть полезен и чей любовник Ларош-фуко также заслуживал внимания...

Тем временем Анна Австрийская, обеспокоенная положением дел, вызвала к Парижу Фландрскую армию, которой командовал Конде, и в ночь с 6 на 7 января 1649 года под порывами ледяного ветра вновь оставила столицу, отправившись в Сен-Жермен вместе с Мазарини и королем.

Парижане очень удивились, узнав об их отъезде. На следующее утро кумушки весело переговаривались, стоя на пороге своих домов:

– Наверное, они решили заняться своими мерзостями на природе, – посмеивались одни.

– В любом случае, – возражали другие, – в такую погоду им придется где-нибудь спрятать задницу!

Эти легкомысленные речи продолжались недолго; вскоре на улицах появились агенты Гонди, которые неустанно внушали народу:

– Регентша приказала окружить Париж, чтобы уморить нас голодом. Это объявление войны.

И все завертелось по-прежнему.

Укрывшись в алькове мадам де Лонгвиль, коадьютор вновь подстрекал парижан к гражданской войне. Каждый раз, когда ему сообщали об убийстве сторонника Мазарини, он возводил очи к небу, преклонял колени перед распятием и со смиренным видом произносил молитву об отпущении грехов...

На сей раз его план был составлен очень тщательно. Он обладал хорошо вооруженным войском; превосходно зная нрав парижской толпы, он приказал печатать песенки и пасквили непристойного содержания, направленные против Мазарини, лицемерно оправдываясь за них перед своими друзьями... Чтобы иметь возможность платить солдатам и куплетистам, он обратился к Испании, которая с радостью стала финансировать предприятие, грозившее Франции крупными потрясениями.

Разумеется, об этом несомненном предательстве ничего

не ведал добрый народ Парижа: доведенный до иступления гнусными песенками, он возводил баррикады, как всегда твердо веруя, что «против него поднят кровавый флаг тирании».

Однако Поль де Гонди почувствовал, что к гражданской войне готовятся без того энтузиазма, на который он надеялся. Обеспокоенный, он предпринял необходимые расследования и узнал, что парижане подозревают знатных фрондеров в двойной игре.

Желая успокоить народ, коадьютор нашел гениальное средство. Послав принца де Конти, герцога де Лонгвиля, герцога Буйонского и маршала де ла Мота в парламентскую армию, он приказал поселить мадам де Лонгвиль и герцогиню Буйонскую вместе с их детьми в Ратуше, дабы они были в глазах парижан заложницами, отвечающими за верность их мужей.

Благодаря этому решению «все подозрения развеялись как дым, и настроение парижан мгновенно переменилось. На Гревскую площадь толпами стекался парод, и не было никого, кто сдержал бы слезы радости при виде этих дам, которые вышли на ступени Ратуши в домашних платьях, держа на руках детей, столь же красивых, как их матери.

Мадам де Лонгвиль была тогда на последних месяцах беременности. Это нисколько не мешало ей принимать участие в совещаниях и произносить зажигательные речи. В конце января, когда войска Конде наглухо блокировали столи-

цу, она, собрав вокруг себя друзей, разрешилась от бремени мальчиком, которого нарекли Париж.

Несмотря на эти комические сцены, гражданская война продолжалась.

Через неделю Конде наголову разбил гарнизон Шарантона, оставив на месте более двух тысяч убитых. Вождей мятежа это не взволновало. Никакие жертвы не могли привести их в дурное расположение духа. В то время как у ворот столицы происходила резня, мадам де Лонгвиль устраивала скрипичные вечера в своей спальне (где обычно заседал военный совет Фронды), а мадам де Буйон танцевала. Что до коадьютора, то во дворец архиепископа каждый вечер приводили маленьких белошвеек с ласковыми руками, и те помогали ему на время забыть о политике при помощи хорошо известных средств...

В течение многих недель под стенами Парижа велись сражения. Смерть косила тысячами солдат королевы и солдат Гонди, ничего не понимавших в этой странной войне. Несчастные крайне удивились бы, если бы им сказали в последнюю минуту, что гибнут они из-за добродетели прекрасной булавошницы...

* * *

Вскоре ветер Фронды задул с такой силой, что под его напором зашатался трон.

Конде был испуган угрозой, нависшей над короной, и ему пришла в голову одна мысль. Зная, что ярость народа направлена, в сущности, против одного Мазарини, он решил удалить итальянца, подобрав королеве нового любовника. Выбор его пал на молодого маркиза де Жарсе. Это был самодовольный щеголь, благосклонно принятый при дворе. Принц внушил ему, что королева с недавних пор смотрит на него жадным взором.

– В возрасте ее величества начинают интересоваться молоденькими мальчиками. Постарайтесь быть с ней как можно более обходительным, и ваша будущность обеспечена.

Ослепленный надеждой, маркиз устремился во дворец и, быстро сговорившись с главной камеристкой королевы мадам де Бове, начал с блеском играть роль нежного воздыхателя.

Поначалу регентше, казалось, польстило это ухаживанье, и Конде потирал руки в предвкушении успеха. Он был убежден, что Анна Австрийская, чья пылкость была ему хорошо известна, не устоит перед бархатными глазами Жарсе и что царствованию кардинала скоро придет конец.

Когда он счел, что настал подходящий момент, то послал молодому человеку записку с одним словом: «Нападайте!»

Юный фат ожидал только этого приказа. Отправившись в гостиную, где сидела королева, он приблизился к ней почти вплотную, не сводя с нее зовущего томного взора. Анна Австрийская тогда еще не подозревала о ловушке, подстро-

енной Конде; однако ей, безумно влюбленной в Мазарини, крайне не понравилось поведение молодого человека.

– Послушайте, господин де Жарсе, – вскричала она с раздражением, – вы просто смешны со своей назойливостью! Мне сказали, что вы строите из себя моего поклонника. Подумайте, какой отчаянный волокита! Мне просто жаль вас. Правда, безумие ваше не должно никого удивлять, ибо оно у вас в роду!

Бедняга был так поражен, словно в него ударила молния. Расстроенный и бледный, он немедленно удалился.

Ф. Буше. Аллегория

Маневры Конде потерпели неудачу. Королева осталась верна кардиналу.

А Фронда продолжалась.

Благодаря усилиям Гонди она внезапно распространилась по всей Франции.

Тогда королева по совету Мазарини, который начинал дрожать под своей сутаной, согласилась вступить в переговоры. Парламент отправился в Сен-Жерменак Ле, и, несмотря на все козни коадьютора, 1 апреля был подписан мир. Анна Австрийская капитулировала, сделав огромные уступки и даровав амнистию всем участникам Фронды; но против Конде, подославшего к ней маленького маркиза де Жарсе, затаила злобу 18 июня 1650 года принц был арестован вместе с братом и герцогом де Лонгвилем. Парламентская Фронда завершилась. Начинаясь Фронда принцев.

* * *

В 1651 году Мазарини, которому по-прежнему не давали покоя опасные и влиятельные подстрекательницы, приказал изгнать нескольких графинь. По Парижу тут же разошлись ядовитые куплеты, написанные Клодом де Шувиньи, бароном де Бло. В них, правда, больше доставалось не кардиналу

– «иностранцу без роду и племени», а Анне Австрийской, которую автор песенок именовал шлюхой, выражая надежду, что ему удастся когда-нибудь ее придушить.

Мазарини был крайне недоволен, но смолчал. Однако через несколько недель полиция доставила ему новые куплеты, где кардиналу предлагалось убраться вон, поскольку для госпожи Анны, если она захочет, можно подобрать всадника получше, чем Его преосвященство.

На сей раз кардинал вышел из себя. Он заявил королеве, что не желает оставаться в Париже, ибо народ его ненавидит. Анна Австрийская разрыдалась. Мысль о том, что придется вернуться к целомудренной жизни, приводила ее в ужас. Всю ночь она горько плакала, ворочаясь в постели и испуская пронзительные крики, но кардинал остался непреклонен.

6 февраля 1651 года, надев красный мушкетерский плащ и шляпу с перьями, он тайком выскользнул из Лувра в этом необыкновенном костюме, а неделю спустя уже находился в полной безопасности у епископа Кёльнского...

Покинутая королева впала в отчаяние, на которое придворные взирали с понимающей улыбкой. Добрые же парижане отпускали добродушные, хотя и несколько фамильярные шутки:

– Она сама не своя, когда рядом нет кардинала, чтобы положить ей руку на задницу.

Надо признать, это было очень далеко от изысканного языка, каким будут изъясняться в сходных ситуациях персо-

нажи Расина.

Вскоре Анне Австрийской пришла в голову безумная мысль самой отправиться к возлюбленному, без которого она не могла существовать. Она поделилась своими планами с несколькими доверенными лицами, в результате чего о ее намерении бежать из столицы стало известно фрондерам. Кoadьютор вновь поднял чернь, и разъяренная толпа окружила Пале Рояль.

Тогда королева решилась на удивительный поступок. Приказав открыть двери дворца, она велела гвардейцам впустить непрошенных гостей. Народ устремился в гостиные. Анна Австрийская с улыбкой встретила своих подданных.

– Я пригласила вас, – сказала она, – потому что окружена врагами и только с вами чувствую себя в безопасности.

Это был ловкий ход, и толпа остановилась в замешательстве. Тем не менее раздались голоса:

– Мы узнали, что вы собираетесь покинуть дворец сегодня ночью, и что король уже одет. Это правда?

Анна была готова к подобному вопросу. Она повела присмивших парижан в королевскую спальню, отдернула полог маленькой кровати и показала им мирно спящего Людовика XIV.

Потрясенные манифестанты удалились из спальни на цыпочках.

После событий этой ночи регентша, осознав, какую роковую ошибку едва не совершила во имя любви, отказалась

от мысли воссоединиться с Мазарини. Впрочем, через некоторое время кардиналу удалось переслать ей необыкновенно нежное послание. Вот оно. На нем стоит дата – 10 мая 1651 года. Читая его, хорошо понимаешь, насколько смешны утверждения историков, полагающих, что кардинала и регентшу связывали только узы дружбы...

«Боже мой, как я был бы счастлив, если бы мог дать вам возможность заглянуть в мое сердце. Тогда вы согласились бы со мной, что нет чувства, равного моей привязанности к вам. Признаюсь вам, что вы занимаете все мои помыслы, и прежде я представить себе не мог, что буду способен думать только о вас.

Верю, что ваши чувства преодолеют все испытания и что они именно таковы, как вы говорите; но мои чувства еще сильнее, ибо каждый день я упрекаю себя, что не сумел дать вам надлежащих доказательств моей привязанности, и в голову мне приходят очень странные мысли, повелевающие мне предпринять нечто неслыханное и отчаянное, лишь бы вновь увидеть вас; меня удерживает только то, что я могу нанести этим ущерб вам. Ибо я давно бы уже испробовал тысячу путей, дабы выбрать один, и если я не получу в моей скорби скорого утешения, то не отвечаю за себя, поскольку эта осмотрительность не сочетается с пылкостью моих чувств к вам.

Возможно, я не прав и в таком случае прошу у вас прощения, но мне кажется, что будь я на вашем месте, то при-

ложил бы все усилия, чтобы позволить другу встретиться с вами... Известите меня, прошу вас, увидимся ли мы и когда: ибо так дольше продолжаться не может. Со своей стороны клянусь, что это случится в ближайшем времени, даже если мне придется погибнуть... Я возлюбил бы от всего сердца и больше жизни злейшего своего врага, если бы он помог мне вновь увидеться с вами».

Это послание, совсем не похожее на письмо министра, адресованное своей королеве, заканчивается подлинным криком отчаяния:

«Поверь мне, что со времен Адама никто не страдал так от разлуки, как страдаю я...»

Между тем Фронда продолжалась. Конде, только что выпущенный на свободу, стремился устранить при помощи знати Анну Австрийскую от власти, а также отложить до восемнадцати лет объявление короля совершеннолетним, имея тайную мысль самому взойти на трон.

Мазарини, получавший информацию от секретных агентов, с тревогой следил за хитроумными маневрами победителя при Рокруа. Из своего маленького кабинета в Кельне он предпринимал все усилия, чтобы защитить корону своей возлюбленной. Теперь его любовные послания сопровождались политическими советами, написанными на шифрованном языке. Каждое утро королева получала очередную порцию нежности и указаний, благодаря которым с успехом разрушала замыслы мятежников.

С особой очевидностью это проявилось в сентябре: шестого числа Конде открыто выступил против регентши; седьмого числа Людовик XIV был объявлен совершеннолетним... Только Мазарини мог нанести этот мгновенный ответный удар, спасший Францию.

* * *

30 января 1652 года кардинал, наконец, вернулся в Париж. Однако Фронда еще не завершилась. Конде, став союзником испанцев, безжалостно разорял Гиень, а в Орлеане мадемуазель де Монпансье, окруженная воинственными амазонками, строила планы по созданию оплота против королевской армии, намереваясь затмить славу Жанны д'Арк.

Увы! Только в одном мадемуазель де Монпансье могла сравниться с храброй лотарингской крестьянкой; не случайно насмешники величали ее не иначе, как Старшая Орлеанская девственница...

Вероятно, любовнику удалось бы укротить пыл этой опасной истерички, но она желала сохранить чистоту, мечтая выйти замуж за короля, которого уже именovala «своим милым муженьком».

Эти надежды рассыпались в прах вследствие весьма неразумного поступка, и мадемуазель долго еще пришлось нести тяготы мучительного девства.

В начале июля армия Конде, теснимая войсками Тюренна,

подошла к Парижу, надеясь укрепиться в столице. Но городское ополчение было начеку. Принц обнаружил перед собой запертые и охраняемые ворота. Сверх того, он обнаружил с неприятным изумлением, что со стороны Сен-Антуанского предместья на него движутся полки Тюренна, не скрывающие своих враждебных намерений. Мушкетные залпы подтвердили правильность первого впечатления, и под стенами столицы завязался ожесточенный бой. В течение всего утра солдаты противоборствующих армий с увлечением истребляли друг друга, хотя враждебные действия иногда прерывались забавными интермедиями. Стояла изнурительная июльская жара: время от времени бойцы останавливались, чтобы обтереть потное лицо или снять раскалившийся панцирь. В один из моментов битвы сам Конде, обливаясь потом, отошел в сторону и, раздевшись догола, стал кататься в траве, словно лошадь; затем он натянул на себя одежду и снова ринулся в схватку.

После нескольких часов отчаянной резни мятежного принца прижали к стенам Парижа; казалось, ему грозило неминуемое поражение, но внезапно заговорили пушки Бастилии...

Ядерный град обрушился на королевскую армию. Многие всадники были убиты, началось смятение, которым немедленно воспользовался Конде.

Кто же пришел ему на помощь? Мадемуазель де Монпансье. В сопровождении своих разряженных «маршалов в юб-

ках» она поднялась на эспланаду крепости и приказала бить из пушек по армии Тюренна...

Надо признать, что со стороны женщины, мечтавшей выйти замуж за Людовика XIV, подобная выходка была чистейшим безумием.

Вечером она торжествовала: веселилась, танцевала, опустошила несколько бутылок вина и пронзительно хохотала, тогда как ей следовало бы запереться в спальне и оплакивать уплывшее счастье.

Разумеется, она спасла Конде и поразила народное воображение, подарив прекрасный сюжет сочинителям легенд, но, говоря словами Мазарини, в этот день «она потеряла мужа своих грез».

Многие годы несчастная испытывала невыразимые муки, ибо затянувшаяся девственность пагубным образом влияла на ее рассудок и отравляла ей кровь. Глаза у нее от этого становились все больше и блестели сильнее обычного, а во взоре все явственнее проступало смятение.

Бедняжка!..

Камеристка лишает невинности Людовика XIV

*Мы часто нуждаемся в том, кто меньше нас.
Народная мудрость*

В то время как Конде и мадемуазель де Монпансье сотрясали трон, равнодушный к политике Людовик XIV с возрастающим интересом присматривался к округлым формам придворных дам.

Правда, ему было уже четырнадцать лет, и неведомые доселе желания посетили его душу. Он развивался настолько быстро, что королеве-матери несколько раз приходилось вмешиваться, дабы уберечь его от преждевременного знакомства с особенностями подданных женского пола...

В двенадцать лет он страстно влюбился в жену маршала Шомбера, которой был безумно увлечен еще его отец в те времена, когда она носила имя мадемуазель де Отфор. Он целовал ее, ложился к ней в постель, гладил руки и прижимался лицом к волосам – и все это с таким пылом, что Ле Муан нарисовал феникса, возрождающегося из пепла, добавив девиз: «*Me quoque post patrem*» («Вслед за отцом и я»). Хотя юный король обладал куда большими физическими возможностями, нежели Людовик XIII, для удовлетворения желаний своей избранницы, ему так и не довелось стать любов-

ником прекрасной маршалыши.

Анна Австрийская, стоя на страже добродетели своего сына, приказала не спускать с него глаз, и камердинеру было велено следить, чтобы он не оставался с женщинами наедине.

Все придворные дамы, надо сказать, прилагали массу усилий, чтобы завлечь короля в свою постель, ибо каждая считала за честь – равно как и за удовольствие – лишить его невинности.

Одни пытались пробудить в нем чувственность, показываясь ему на глаза полуодетыми, другие ненароком растягивали в его присутствии корсаж, наконец, третьи, встречаясь с ним, позволяли себе весьма определенные, хотя и не вполне пристойные жесты.

Одна из них, герцогиня де Шатийон, так старалась приманить короля, что навлекла на себя насмешки всего двора, и, как всегда, в скором времени появились ехидные куплеты:

Шатийон, берегите
Вашу прыть для другого,
Вы, конечно, готовы,
Но король не готов...

Однако прекрасная герцогиня пренебрегла мудрыми советами, и однажды вечером ее застали вместе с королем за ширмой, где оба излишне распустили руки...

Естественно, встревоженная Анна Австрийская поторо-

пилась оградить сына от этих рискованных шалостей, и мадам де Шатийон было велено покинуть двор.

* * *

Однако вскоре случилось весьма странное происшествие, о котором нам сообщает Ла Порт, и королева поняла, что оберегать короля следовало не только от женщин.

Двор, без конца кочевавший с места на место, находился тогда в Мелене. В один из летних дней 1652 года король был приглашен на ужин к кардиналу, при доме которого был сад, подходивший к берегам Сены. Около шести часов вечера Людовик XIV, прервав беседу с глазу на глаз с Мазарини, послал за своим камердинером, сказав, что хочет искупаться в реке.

Через полчаса он вышел из дома и направился к берегу, где все уже было приготовлено для королевского купания. Ла Порт обратил внимание, что король выглядит чрезвычайно взволнованным и смущенным. Раздевая его, слуга вдруг заметил «ужасную вещь»: кто-то воспользовался невинностью подростка, дабы совершить по отношению к нему действия злокозненного характера.

Камердинер был в отчаянии. После долгих колебаний он отправил королеве-матери письмо следующего содержания:

«Мадам!

Король, ужиная вместе с кардиналом, приказал мне приготовить ему ванну в реке около шести часов... Когда король пришел туда, он показался мне более грустным и бледным, чем обычно. Мы стали раздевать его, и совершенное над его особой покушение при помощи рук предстало столь явственным, что отец Бонтан и Моро тоже это увидели; но они оказались лучшими придворными, чем я: мне следовало бы промолчать, но мои верность и рвение сильнее меня... Ваше Величество помнит мои слова: король выглядел бледным и грустным, и это доказывает, что все случилось без его согласия. Мне не хотелось бы обвинять кого бы то ни было, Мадам, поскольку я боюсь впасть в ошибку».

Ла Порт не назвал имен, но королева догадалась, что он подозревает Мазарини. Она в слезах побежала к кардиналу, который, разумеется, с негодованием отверг обвинение и потребовал отослать слугу.

Изгнанный Ла Порт в отместку стал рассказывать эту историю направо и налево, а насмешники принялись лицемерно защищать кардинала, говоря, что тот «хотел всего лишь немного расширить круг королевских развлечений»...

Если же исходить из фактов, то никто в точности не знает и, видимо, не узнает никогда, действительно ли Ла Порт заметил нечто необычное, раздевая Людовика XIV перед купанием.

Как бы то ни было, это таинственное происшествие имело самые неожиданные последствия: Анна Австрийская стала опасаться, что сын может приобщиться к «итальянскому греху», столь распространенному при дворе, и ей пришлось в голову, что лучшим средством избежать дурных путей будет свободное общение с дамами.

По ее приказу прежний строгий надзор за подростком был несколько смягчен. Смягчен до такой степени, что главная камеристка королевы мадам де Бове, в молодости бывшая изрядной распутницей, почуяла, что ей представился долгожданный шанс: как-то раз она подстерегла короля, увлекла его в свою комнату и, быстро задрав юбки, преподала ему первый урок любви.

Людовику XIV было пятнадцать лет, мадам де Бове – сорок два...

Все последующие дни восхищенный король проводил у камеристки, чей огненный темперамент великолепно гармонировал с юношеской пылкостью неопита. Затем он пожелал разнообразия, и, как говорит Сен-Симон, «все емугодились, лишь бы были женщины».

Он начал с дам, желавших получить его девственность, а потом приступил к методичному завоеванию фрейлин, живших при дворе под надзором мадам де Навай.

Каждую ночь – один или в компании с несколькими друзьями – Людовик XIV отправлялся к этим девушкам, дабы вкусить здоровое наслаждение физической любви с первой же фрейлиной, которая попадалась ему под руку.

Иногда двери запирались на ключ; в таких случаях король без колебаний карабкался на крышу и спускался к своим красавицам по водосточной трубе. Однажды он проник в свой сераль через камин...

Естественно, об этих ночных визитах в конце концов стало известно мадам де Навай, и она приказала поставить решетки перед всеми отверстиями, через которые мог бы протиснуться мужчина. Людовик XIV не отступил перед возникшим препятствием. Призвав каменщиков, он велел пробить потайную дверь в спальне одной из радушных мадемуазель.

Ж.-О. Фрагонар. Свидание

Несколько ночей подряд король благополучно пользовался секретным ходом, который днем маскировался спинкой кровати. Но бдительная мадам де Навай обнаружила дверь и, не говоря худого слова, распорядилась замуровать ее. Вечером Людовик XIV, намереваясь пройти к своим нежным подругам, с великим удивлением увидел гладкую стену там, где накануне был потайной ход.

Он вернулся к себе в ярости; на следующий же день мадам

де Навай, равно как и ее супругу, было сообщено, что король не нуждается более в их услугах и повелевает им немедленно отправиться в Гиень.

Уже в возрасте пятнадцати лет Людовик XIV не терпел вмешательства в свои любовные дела...

Через некоторое время после всех этих событий юный монарх сделал своей любовницей дочь садовника. Вероятно, в знак признательности девица родила ему ребенка.

Анна Австрийская встретила эту новость с большим неудовольствием, придворные же посмеивались. Однако многие были шокированы неразборчивостью Людовика XIV. Во время балета с участием Его величества, исполнявшего «роль развратника», Бенсерад вложил в уста одного из танцоров невероятные по дерзости стихи, в которых королю выражалось суровое порицание за то, «что бегают за всеми юбками без разбора».

Увы! Публичное осуждение никак не повлияло на монарха, чьи шалости будут продолжаться в течение полувека...

Мария Манчини превращает Людовика XIV в Короля-Солнце

Если бы не она, он так и остался бы довольно неотесанным.

Пьер Ленбар

Если по ночам Людовик XIV развлекался с фрейлинами королевы матери, то днем его чаще всего видели в обществе племянниц Мазарини.

Кардинал, принимавший близко к сердцу дела семьи, выписал из Италии дочерей двух своих сестер – мадам Мартиноцци и мадам Манчини. Первая партия маленьких итальянок появилась в Париже в 1647 году: она включала в себя Анну Марию Мартиноцци, Лауру Мартиноцци, Олимпию Манчини и Лауру Манчини. Вторая партия, прибывшая позже, состояла из трех новых Манчини: Гортензии, Марии-Анны и Марии, судьба которой впоследствии вдохновит Расина.

Все эти девушки считались почти уродливыми. Мемуаристы единодушны в их описании: они были чернявыми и смуглыми, с курчавыми волосами и желтоватой кожей, с чересчур большими глазами, слишком худые и угловатые. Вместе они напоминали стайку испуганных козочек...

Пучеглазые, как совы,
Кожа зеленой капусты,
Брови выписаны углем,
Лица вымазаны сажей.

Такие куплеты сочиняли о них при дворе. Это нисколько не помешало им стать подружками Людовика XIV. Они целыми днями играли в саду Пале Рояля (однажды короля чуть не утопили в одном из фонтанов); позднее стали затевать балы и другие развлечения, позволявшие придворной молодежи чуть надкусить яблочко греха, не выходя за рамки невинных забав.

Именно тогда король внезапно влюбился в свою ровесницу Олимпию – вторую из сестер Манчини.

Двор узнал об этой идиллии на Рождество 1654 года. Демонстрируя свои чувства без всякого стеснения, Людовик XIV сделал Олимпию королевой всех праздничных торжеств последней недели года. Мадам де Мотвиль сообщает нам, «что он не расставался с ней ни на секунду, постоянно приглашал танцевать и отличал так, что казалось, будто балы, пиры и гулянья устраивались только ради нее».

Естественно, придворные посмеивались при виде этих преувеличенных знаков внимания, а по Парижу вскоре распространился слух, что Олимпия станет королевой Франции.

Регентша не на шутку рассердилась. Она готова была закрыть глаза на чрезмерную привязанность сына к племянни-

це Мазарини, но ее оскорбляла сама мысль, что эта дружба может быть узаконена.

И юной Олимпии, которая обрела слишком большую власть над королем в надежде завоевать трон, было приказано удалиться из Парижа.

Мазарини быстро нашел ей мужа, и вскоре она стала графиней де Суассон...

* * *

Столь скоропостижное завершение идиллии, забавлявшей придворных, ошеломило всех. Впрочем, вопреки ожиданиям, Людовика XIV не слишком опечалил внезапный отъезд Олимпии. Через несколько дней он возобновил свои ночные похождения, овладевая фрейлинами с прежними методичностью и усердием.

Однако у этих девиц были свои маленькие тайны, и пытливого исследователя подстерегали неприятные неожиданности. Поэтому придворному врачу Валло в скором времени пришлось внести в «Дневник самочувствия Людовика XIV» следующие строки:

«В начале мая месяца 1655 года, незадолго до отъезда в действующую армию, мне сообщили, что рубашки короля испачканы. Следовало выяснить, не болезнь ли тому причиной. Лица, известившие меня об этом, не могли ничего сказать о характере и природе хвори, поразившей короля, но

полагали, что речь идет об отравлении или же о болезни венерической. Внимательнейшим образом изучив все признаки, я пришел к другому выводу».

Славный Валло ошибался. Король действительно подхватил одну из тех скверных болезней, что являют собой оборотную сторону любовных утех. Налицо были все симптомы. Но врач, не желая их видеть, возлагал всю вину на увлечение короля верховой ездой:

– Вы слишком часто ездите на лошади, – говорил он, – и не щадите должным образом те органы, кои несут ответственность за деторождение. Вам нужно беречь себя. Откажитесь на время от вольтижировки...

Король улыбнулся при мысли о весьма специфической верховой езде, ставшей причиной его болезни, но ничего не ответил. Валло прописал ему безобидные лекарства. Время шло, и примерно через месяц состояние больного ухудшилось. Смирившись, Валло признал очевидность факта.

Чрезвычайно встревожившись, он приказал ставить королю клизму, что, надо признать, было довольно странным способом одолеть венерическую болезнь...

Правда, впоследствии лечение стало более целенаправленным. Мы читаем в «Дневнике» Валло: «Его величеству был подан обычный отвар из оленьих рогов и слоновой кости, в котором я растворил два зернышка марсовой соли». Затем нижнюю часть живота больного промыли раствором муравьиной кислоты. Увы! Ничего не помогло; во все время

фландрской кампании король сильно страдал от венерической болезни и не мог уделять должного внимания военным действиям, хотя Валло и давал ему ежедневно настой из синеголовника.

Король Людовик XIV

После семимесячного лечения – порой совершенно невообразимого – Людовик XIV наконец почувствовал себя здоровым. «Поврежденные места» пришли в порядок, и он с новыми силами устремился к прежним развлечениям с фрейлинами королевы...

В 1657 году он впервые удосужился взглянуть в лицо одной из фрейлин, знакомых ему лишь по тому органу, который моралисты считают хранилищем чести, и немедленно в нее влюбился. Звали счастливцу мадемуазель де ла Мот д'Аржанкур.

Мазарини с досадой отнесся к появлению новой фаворитки, избранной вне тесного семейного круга, и тут же сообщил королю, что малышка ла Мот была любовницей герцога де Ришелье; как-то вечером их застали врасплох, когда «они занимались любовью на табурете».

Эти подробности не понравились Людовику XIV. Он порвал все отношения со своей красавицей и, чтобы развеяться, отправился изображать из себя полководца в северную армию – правда, прихватив на всякий случай маршала Тюренна...

* * *

Пока король с похвальной предусмотрительностью играл

в военные игры, в Кузьере, что находится возле Тура, происходили весьма странные события.

Именно здесь поселилась после смерти мужа прекрасная и пылкая мадам де Монбазон, бывшая соперница мадам де Лонгвиль. Она выбрала это место, чтобы жить поближе к любовнику – молодому и красивому канонику, архидиакону Тура по имени Арман Жан ле Бутийе де Ранье.

Связь эта, наделавшая в свое время немало шума, была известна всем. Обитатели Тура распевали насмешливые куплеты, где доставалось обоим любовникам, а маршал д'Окенкур, который давно ухаживал за герцогиней, впоследствии написал об этом так: «Прекраснейшая женщина в мире попросту водила меня за нос... Вокруг нее постоянно увивался некий аббат де Ранье: на людях он говорил с ней о небесной благодати, с нею наедине вел совсем иные беседы»...

В апреле 1657 года мадам де Монбазон заболела «крапивницей» (нечто вроде злокачественной кори) и скончалась. Немедленно были вызваны плотники, чтобы снять мерку для гроба. Трудно сказать, что произошло: то ли они недосмотрели, то ли перебрали крепкого местного вина, но вечером, когда им надо было укладывать покойницу, гроб оказался короток.

Кому другому, может быть, и пришла бы в голову мысль переделать негодную работу. Однако турецкие плотники не привыкли зря расходовать материал. Недоуменно переглянувшись и почесав в затылках, они поплевали на ладони, во-

оружились тесаками и отрубили голову мадам де Монбазон. Безголовое тело легко поместилось в гроб. Будучи людьми аккуратными, славные туренцы уложили голову на кресло и удалились.

Два часа спустя в Кузьер примчался Ранье, которого только что известили о болезни любовницы. Представшее перед ним зрелище настолько потрясло его, что он, если верить легенде, совершил поразительный поступок: схватив голову той, которую так любил, завернул ее в скатерть и унес собой.

Это происшествие сильно взволновало Пале Рояль. Но нашлись злоязычные люди, которые стали распускать шутки весьма сомнительного свойства. Напоминая, что в постели мадам де Монбазон побывали не только все придворные, все послы, все генералы, но и все лакеи во главе с камердинерами, остряки добавляли, что при мысли о таком количестве любовников в смертный час вполне можно было потерять голову...

А затем о мадам де Монбазон забыли и думали уже только о войне. Людовик XIV пребывал тогда под Дюнкерком.

Увы! после захвата города (12 июня 1658 года) он заболел тяжелой лихорадкой. Его перевезли в Кале, где он окончательно слег. В течение двух недель монарх был на грани смерти, и все королевство возносило Богу мольбы о его выздоровлении. 29 июня ему внезапно стало так плохо, что было решено послать за священными дарами.

Считая, что он без сознания, люди из свиты на несколько

мгновений оставили его одного. И в этот час, когда взоры придворных уже устремлялись к будущему монарху, умирающий король вдруг увидел перед собой залитое слезами лицо высокой девушки, которая плакала не переставая.

Это была Мария Манчини, еще одна племянница Мазарини. В ту пору ей было семнадцать лет.

Она уже давно любила короля, никому в этом не признаваясь. Людовик со своей постели смотрел на нее глазами, блестящими от жара. «Она была чернявая и желтая, – рассказывает мадам де Мотвиль, – в больших темных глазах еще не зажегся огонь страсти, и оттого они казались тусклыми, рот был слишком велик, и, если бы не очень красивые зубы, она могла бы сойти в то время за уродину».

Однако король понял, что любим, и был этим взволнован.

В этот момент появился врач, принесший больному лекарство из винного настоя сурьмы. Эта удивительная микстура оказала чудодейственное воздействие: Людовик XIV стал поправляться на глазах и выразил желание вернуться в Париж, чтобы скорее оказаться рядом с Мари...

Увидев ее, он понял по биению своего сердца и другим признакам, что влюбился, однако не признался в этом, а только попросил, чтобы она вместе с сестрами приехала в Фонтенбло, где он решил оставаться до полного выздоровления.

В течение нескольких недель там происходили сплошные увеселения: водные прогулки в сопровождении музыкантов,

танцы до полуночи, балеты под деревьями парка. Королевой всех развлечений была Мари.

Мария Манчини

Затем двор вернулся в Париж. Девушка была на седьмом небе от счастья. «Я обнаружила тогда, – пишет она в своих мемуарах, – что король не питает ко мне враждебных чувств, ибо умела уже распознавать тот красноречивый язык, что говорит яснее всяких красивых слов. Придворные, которые всегда шпионят за королями, догадались, как я, о любви Его величества ко мне, демонстрируя это даже с излишней назойливостью и оказывая самые невероятные знаки внимания».

Вскоре король осмелел настолько, что признался Мари в своей любви и сделал ей несколько изумительных подарков. Отныне их всегда видели вместе.

Вскоре про нее сочинили следующий куплет:

Как счастлив Деодот
Целовать такой рот,
Что от уха до уха идет.

Чтобы понравиться той, кого уже считал своей невестой, Людовик XIV, получивший довольно поверхностное воспитание, стал усиленно заниматься. Стыдясь своего невежества, он усовершенствовал познания во французском и начал изучать итальянский язык, одновременно уделяя много

внимания древним авторам. Под влиянием этой образованной девушки, которая отличалась необыкновенным умом и знала наизусть множество стихов, он прочел Петрарку, Вергилия, Гомера, страстно увлекся искусством и открыл для себя новый мир, о существовании которого даже не подозревал, пока находился под опекой своих никудышных учителей.

Благодаря Марии Манчини этот король впоследствии займется возведением Версаля, будет оказывать покровительство Мольеру и финансовую помощь Расину. Однако ей удалось не только преобразить духовный мир Людовика XIV, но и внушить ему мысль о величии его предназначения.

Королю было двадцать лет, а он все еще покорно подчинялся матери и Мазарини. Ничто в нем не предвещало могущественного монарха: при обсуждении государственных дел он откровенно скучал и предпочитал перекладывать на других бремя власти. Мария пробудила в Людовике XIV дремавшую гордость; она часто беседовала с ним о славе и превозносила счастливую возможность повелевать. Будь то тщеславие или расчет, но она желала, чтобы ее герой вел себя, как подобает коронованной особе.

Таким образом, можно прийти к заключению, что Короля-Солнце породила любовь...

Женитьба Людовика XIV

*Сердце принцессы было принесено в жертву
государственным интересам...*

Франсис Тома

В течение многих месяцев Людовик XIV и Мария Манчини прогуливались рука об руку по садам Пале Рояля, не обращая внимания на несколько иронические улыбки придворных.

Король любил впервые в жизни. Он вздрагивал при звуках скрипок, вздыхал лунными вечерами и грезил о сладких объятиях восхитительной итальянки, которая хорошела день ото дня.

Но Мария была целомудренной. Кроме того, честолюбивые мечты, еще не вполне ясные ей самой, подсказывали, что она не должна смешиваться с почти безымянной толпой любовниц юного монарха.

Однако она чувствовала смятение, оставаясь наедине с королем. Чувства ее не были спокойны; как признается она сама, «я ощущала, что во мне разгорается пламя».

Это мучило и тревожило девушку. Но, невзирая на голос природы, требовавшей своего, молодые люди были счастливы, когда внезапно разразилась буря, которая унесла с собой сладостный покой этих дней.

Действительно, при дворе начались разговоры, что король в скором времени женится на принцессе Маргарите Савойской.

Мазарини, желавший принудить Испанию подписать мир и закрепить его браком Людовика XIV с инфантой Марией-Терезией, предпринял чрезвычайно ловкий маневр: короля Испании следовало припугнуть, сделав вид, что свадьба с савойской принцессой – дело почти решенное. Естественно, истинных намерений Мазарини не знал никто, в том числе и Людовик XIV. Мария Манчини взволновалась необычайно.

Напротив, юный монарх встретил эту новость с полным спокойствием и попросил возлюбленную сопровождать его в Лион, где он должен был увидаться с Маргаритой Савойской...

25 октября король покинул Париж вместе с королевой-матерью и многочисленной свитой. Кorteж состоял из двадцати карет, не считая телег, на которых везли ковры, кровати, покрывала, посуду и все прочее, без чего двор не мыслил своего существования. В целом это была чрезвычайно внушительная кавалькада, неторопливо продвигавшаяся вперед среди радостных кликов крестьян, сбегавшихся посмотреть на это диво с таким же энтузиазмом, как их правнуки, жаждущие взглянуть на участников велосипедного пробега Тур де Франс...

Стояла прекрасная осенняя погода, и Людовик XIV вско-

ре оставил карету, пересев на лошадь. Мария Манчини последовала его примеру, и они провели это путешествие самым приятным образом, воркуя вдали от нескромных ушей.

В Лион прибыли 28 ноября.

Через несколько дней двор получил известие, что савойские принцессы приближаются к городу. Людовик XIV со сверкающими глазами бросился к лошади, совершенно забыв о Марии Манчини, и поскакал навстречу Маргарите, которую ему не терпелось увидеть.

Ибо предварительно было решено, что брак состоится лишь в том случае, если король найдет принцессу по своему вкусу. Кардинал предусмотрел эту статью, поскольку опасался навязать Людовику XIV уродливую жену в ситуации, когда маневр с испанцами мог закончиться и неудачей.

Анна Австрийская с нетерпением ожидала возвращения сына. Он вернулся в самом веселом расположении духа и чрезвычайно довольный.

– Ну как? – спросила королева мать.

– Она такая же миниатюрная, как жена маршала де Вильруа, – ответил Людовик XIV, – но фигура у нее необыкновенно красивая. Она чуть смугловата, но ей это идет. У нее красивые глаза, вообще, она мне очень нравится и вполне мне подходит.

Тогда савойские принцессы подъехали в своих каретах к городским воротам. Там их встретила королева-мать, и Людовик XIV выказал необычайную любезность по отношению

к Маргарите.

Вечером все стали расходиться на ночлег по домам, расположенным на площади Белькур, и к королю, который уже мечтал о том, как он проведет первую ночь с изящной савойской принцессой, подошла Мария Манчини. Радость его померкла.

Бедная девушка плакала. Мадемуазель де Монпансье, злорадствуя, уже успела пересказать ей слова Людовика XIV относительно Маргариты Савойской.

Взволнованный король не смел поднять глаз, ожидая грозу. Видя это, Мария воспрянула духом и произнесла с горячностью:

– Разве это не позор, что вам подсовывают такую уродливую женщину?

Беседа, которая продолжалась до поздней ночи, принесла свои плоды. На следующий день от любезности Людовика XIV не осталось и следа. Он был крайне холоден с Маргаритой, и принцесса Савойская не могла скрыть своего изумления.

Вечером королева-мать давала прием в честь гостей. Король вел себя вызывающе грубо. С Маргаритой он не заговорил ни разу и сидел в стороне, весело болтая с Марией.

Савойские принцессы встревожились, и дальнейшие события подтвердили справедливость их опасений. В самом деле, хитрость кардинала вполне удалась. Уже утром в Лион прибыл посланник испанского короля с предложением за-

ключить брак между Людовиком XIV и инфантой. В скором времени об этом стало известно мадам де Савуа, и она немедленно отправилась к Мазарини, требуя объяснений.

– Я крайне огорчен, – сказал первый министр, – но долг повелевает королю любой ценой прекратить войну, которая длится уже двадцать лет, и подарить Франции мир. Единственным же средством достигнуть этого является брак с Марией-Терезией Испанской.

Принцесса Савойская, побледнев как смерть, едва не лишилась чувств.

– Могу ли я надеяться, – пролепетала она, – что о моей дочери не забудут, если король не женится на инфанте?

На сей счет она получила письменное обязательство. В тот же вечер ей был вручен скрепленный подписью короля акт, к которому прилагались алмазные серьги, драгоценные перстни и флакончики с духами. Через день принцессы, не в силах скрыть слез, покинули Лион и вернулись в Савойю, утешаясь лишь тем, что их приезд позволил Франции подписать мир с Испанией.

* * *

Когда двор в начале 1659 года возвратился в Париж, Мария Манчини приобрела такую власть над королем, что Анна Австрийская и Мазарини встревожились.

Кардинал поручил мадам де Венель не спускать с влюб-

ленных глаз и не оставлять их наедине в комнатах, где имелаась кровать.

Добрая женщина принялась за дело с большим рвением и однажды ночью, заслышав какие-то странные звуки, вошла в спальню Мари (которая всегда спала с открытым ртом). Ощупывая подушку, она нечаянно засунула палец между зубов девушки.

Проснувшись, словно от толчка. Мари сразу же поняла, что к ней прокралась шпионка, посланная дядюшкой, и изо всех сил укусила ее. Та неистово завопила, переполошив спавших на этом этаже. Наутро весь двор потешался над несчастной мадам де Венель, которая, впрочем, и без того была всеобщим посмешищем. Король, жаждавший избавиться от нее, подстраивал ей чисто мальчишеские пакости.

«Как-то раз, – рассказывает один из мемуаристов, – государь раздавал конфеты придворным дамам, в красивых коробочках, перевязанных разноцветными лентами. Мадам де Венель, получив свою, открыла ее: и каков же был ее ужас, когда оттуда выскочило с полдюжины мышей, которых, как всем было известно, она смертельно боялась. Первым ее побуждением было бежать со всех ног. Но вспомнив, что обещала королеве не терять из виду мадемуазель Манчини, она опомнилась и вернулась назад. Король, который уже успел сесть на софу рядом с мадемуазель Манчини, поздравляя себя с успехом своего предприятия, весьма удивился и сказал: – Как, мадам, неужели вы так быстро успокоились?

– Напротив, сир, – отвечала та, – я по-прежнему трепещу и потому пришла искать защиты у сына Марса».

В следующем месяце Пимантель, посланник испанского короля, прибыл в Париж, чтобы подготовить мирный договор, первым условием которого был брак между Людовиком XIV и инфантой. Бедная Мари, совершенно потеряв голову, стала прилагать все усилия, дабы сорвать переговоры. Каждый день она подолгу беседовала с королем, пуская в ход то слезы, то нежность, то упреки, и старалась убедить его, что нет ничего ужаснее женитьбы без любви.

– Вы будете несчастны! – говорила она.

Он знал это, но страшился оскорбить испанского посла и нанести ущерб хитроумной политике Мазарини.

Однажды разнеслась весть, что двор переезжает в Байонну, где мирные переговоры должны были завершиться. Мари, не помня себя от отчаяния, побежала к королю и упала перед ним на колени:

– Если вы любите меня, то не поедете! – воскликнула она.

И залилась слезами, повторяя только:

– Я люблю вас! люблю...

Король, очень бледный, поднял ее со словами:

– Я тоже люблю вас.

– В таком случае вы не должны покидать меня, – сказала Мари, – ни за что, никогда...

Король в необычайном волнении, обняв, прижал к себе девушку и долго не отпускал.

– Я вам это обещаю.

Затем он отправился к Мазарини и объявил без всяких предисловий, что хочет жениться на его племяннице.

– Не вижу лучшего способа, – добавил Людовик XIV, – вознаградить вас за долгую безупречную службу!

Мазарини был ошеломлен. Вначале его ослепила мысль, что благодаря этому браку он станет дядей королевы Франции. Забыв свой долг и все политические расчеты, он пошел к королеве, которой и рассказал в нарочито небрежной манере, дабы скрыть смущение, о потрясающем предложении ее сына.

Анне Австрийской хватило нескольких слов, чтобы спустить его с небес на землю.

– Не думаю, господин кардинал, – промолвила она сухо, – что король способен на такую низость; но если он вздумает сделать это, предупреждаю, что против вас восстанет вся Франция, что я сама встану во главе возмущенных подданных и поведу с собой моего младшего сына.

Мазарини осознал свой промах и удалился, не поднимая головы. Тогда королева призвала к себе сына и стала ему выговаривать. Король, разгорячившись, объявил, что никогда не откажется от своей любви и что испанская инфанта может искать себе другого мужа...

Тогда было решено отправить Марию Манчини в изгнание.

На следующий день Мазарини холодно предупредил пле-

мянницу, что она должна собирать вещи.

– Вместе со своими сестрами вы отправитесь в Бруаж, что находится недалеко от Ла Рошели. Ваше присутствие здесь более невозможно, ибо вы стали причиной прискорбной смуты. Прошу вас известить об этом короля.

Мари, заливаясь слезами, побежала в комнату Людовика XIV и сообщила ему, что должна ехать в Вандею.

– Никто не разлучит вас со мной! – вскричал он громовым голосом.

Гвардейцы, приникшие к замочной скважине, отпрянули, услышав подлинно королевский рык.

Затем Людовик XIV обнял девушку, и осмелевшие гвардейцы смогли по очереди полюбоваться этой приятной сценой.

Однако и на этот раз «Мазаринетта», несмотря на охватившее ее волнение, нашла в себе силы устоять. Король был крайне раздосадован; неудовлетворенное желание было таким жгучим, что все помутилось у него не только в глазах, но и в голове. Он устремился в покои матери, упал на колени перед Анной Австрийской и Мазарини и стал умолять их позволить ему жениться на Мари.

Не в силах прогнать от себя образ вожделенной красавицы, он плакал, обнимая ноги матери и называя кардинала «папой»...

– Я не могу без нее жить, – кричал он, – я обещал, что женюсь на ней, и я это сделаю. Разорвите договор с Испани-

ей. Я никогда не вступлю в брак с инфантой. Я должен жениться на Мари!

Мазарини счел необходимым прекратить эту сцену. Суровым тоном он объявил, что был избран покойным королем, отцом Людовика XIV, а затем и королевой-матерью, дабы помогать ему советом, и что, с нерушимой верностью исполняя свой долг до сего времени, не злоупотребит доверием и не уступит недостойной короля слабости; что он волен распорядиться судьбой своей племянницы и что готов скорее собственноручно заколоть ее кинжалом, нежели допустить ее возвышение путем величайшей государственной измены.

Этого оказалось достаточно.

Опомнившись, Людовик XIV поднялся с колен, вышел из комнаты без единого слова и поднялся к Мари, ожидавшей его с нетерпением. Она надеялась услышать, что отъезд в Бруаж отменяется, и была безутешна, когда король передал ей слова дяди.

– Вы любите меня, – говорила она, – вы король, но мне приходится уезжать!

В смятении Людовик XIV поклялся ей, что только она взойдет на французский трон, и они расстались в слезах.

* * *

Через несколько дней – 22 июня 1659 года – Мари в сопровождении мадам де Венель и сестер Гортензии и Марии-Ан-

ны села в карету, которой предстояло отвезти ее на Атлантическое побережье. Король стоял у дворца. По лицу его текли слезы, и он даже не пытался скрыть своего отчаяния.

Мари, рыдая, целовала ему руки. Наконец был отдан приказ трогаться, и все услышали, как пронзительно вскрикнула девушка. Вне себя от скорби, она повернулась к сестрам со словами:

– Я брошена!

Король долго смотрел вслед карете, уносившей самую большую и, может быть, единственную любовь его жизни. Когда на дороге уже ничего нельзя было разглядеть, он с покрасневшими, полными слез глазами поднялся в свою карету и сразу же уехал в Шантийи, где собирался провести несколько дней, чтобы прийти в себя...

Естественно, между королем и Мари тут же завязалась почти ежедневная переписка. Кардиналу, который находился тогда в Сен Жан де Лю и был занят подготовкой мирного договора, сообщила об этом мадам де Венель. Необычайно встревожившись, он написал королеве:

«Не могу выразить вам, как меня огорчает поведение конфиденанта, который не только не пытается излечиться от своей страсти, но и делает все возможное, чтобы ее усилить».

И поскольку собственный его роман с Анной Австрийской все еще продолжался, закончил письмо выражением благодарности «за ваши нежные чувства, навсегда запечатленные в моем сердце, которое устремляется с любовью,

сравнимой только с ангельской»...

Между тем переписка между Бруажем и Лувром становилась все интенсивнее, и Мазарини считал себя обязанным воззвать к разуму короля:

«В посланиях из Парижа, Фландрии и других мест меня уверяют, что вас нельзя узнать после моего отъезда, но не из-за меня, а из-за кое-чего, что мне принадлежит; что вы принимаете на себя обязательства, которые помешают вам даровать мир всему христианскому миру и сделать счастливыми подданных вашего государства; что если вы даже согласитесь на брак во избежание пагубных потрясений, то особа, на которой вы женитесь, станет несчастной, будучи ни в чем не виновной. Говорят, вы постоянно сидите, запершись от всех, чтобы вам не мешали писать особе, которую вы любите, и что вы тратите на это больше времени, нежели на разговоры с ней, когда она еще была при дворе.

Я знаю, впрочем, что проявил излишнюю снисходительность, когда в ответ на ваши настоятельные просьбы разрешил вам осведомляться иногда о здоровье означенной особы и сообщать ей о своем; однако это превратилось в постоянный обмен письмами: вы пишете ей каждый день и каждый день получаете ответы, а когда случается пропуск за неимением гонца, следующий везет столько писем, сколько не было послано вовремя, что делает эту ситуацию скандальной и в довершение всего наносит ущерб как репутации означенной особы, так и моей собственной».

Наконец, Мазарини затрагивает и ту тему, «которая не давала ему спать» во время переговоров с Испанией:

«Но и это еще не все. Из ответов сей особы на мои письма, в которых я самым дружеским образом пытался наставить ее на путь истинный, а также и из других посланий, пришедших ко мне из Ла Рошели, я понял, что вы всемерно стараетесь укрепить ее в напрасных надеждах, обещая ей то, что не в силах исполнить ни один человек вашего положения и что невозможно осуществить по многим причинам».

В самом деле, Людовик XIV по-прежнему уверял в каждом письме «свою королеву» (так он именовал Мари), что возложит на нее французскую корону...

* * *

В течение многих недель Мазарини, дело жизни которого оказалось под угрозой из-за чар Марии Манчини, без устали слал послание за посланием в надежде вразумить короля. Однажды, потеряв терпение, он даже пригрозил, что покинет Францию и вернется в Италию, если Людовик XIV откажется сочетаться браком с инфантой. Но король так страстно желал свою восхитительную итальяночку, что все увещания кардинала пропадали втуне.

Естественно, положение Мазарини осложнялось еще и тем, что испанцы, для которых намерения короля не были секретом, периодически осведомлялись, не ведутся ли мир-

ные переговоры для отвода глаз.

Однако кардинал, проявляя чудеса ловкости и изворотливости, упорно гнул свою линию. Направив к Филиппу IV официального посланника просить руки Марии-Терезии, он пригласил двор в Сен-Жан-де-Лю.

Людовик XIV, не желая портить отношения с Мазарини, согласился на встречу с испанцами, но при этом твердо решил вести себя с инфантой так же, как с Маргаритой Савойской. Вдобавок он потребовал сделать крюк в Вандею, чтобы увидеться с Мари.

Свидание состоялось в Сен-Жан-д'Анжели. Влюбленные бросились друг к другу с такой радостью, что все свидетели этой сцены были взволнованы, и король, томимый желанием, еще раз пообещал своей нежной подруге, что женится на ней и разорвет мирные переговоры с Испанией.

На следующий день он с легким сердцем отправился в путь, не подозревая, какие страдания готовит ему Мари, которая решилась на величайшую жертву во имя своей любви.

Зная в деталях о ходе переговоров с Испанией, девушка, столь же сведущая в политике, как в музыке и литературе, внезапно осознала, что страсть Людовика XIV может иметь самые роковые последствия для всего королевства. И 3 сентября она написала Мазарини, извещая его, что отказывается от короля.

Эта новость повергла Людовика XIV в отчаяние.

Он слал ей умоляющие письма, но ни на одно не получил

ответа. В конце концов он велел отвезти к ней свою любимую собачку. У изгнанницы достало мужества и решимости, чтобы не поблагодарить короля за подарок, который, однако, доставил ей мучительную радость.

Тогда Людовик XIV подписал мирный договор с Испанией и дал согласие жениться на инфанте. В этот день праздничные колокола гремели по всему королевству, а в Бруаже Мари заливалась горячими слезами. «Я не могла не думать, — писала она в мемуарах, — что дорогой ценой заплатила за мир, которому все так радовались, и никто не помнил, что король вряд ли женился бы на инфанте, если бы я не принесла себя в жертву»....

Жертва Марии Манчини позволила Мазарини довершить дело Ришелье. Могуществу испанских Габсбургов пришел конец; Франция получила Руссийон, Сердань, Артуа, а также несколько крепостей во Фландрии и Люксембурге.

Ж.-О. Фрагонар. Дама с собачкой

Благодаря чистой и бескорыстной любви этой девушки Франция превратилась в самую мощную державу Западной Европы.

Договор был подписан 7 ноября 1659 года – в день, когда над Пиренеями бушевала снежная буря. Когда начали обсуждать дату свадьбы, Мазарини объявил, что немыслимо заставлять короля Испании путешествовать по горам в такую погоду, и было решено, что Людовик XIV сочетается браком с инфантой будущей весной.

* * *

Пока же следовало всеми силами его развлечь и привести его чувства в порядок, дабы он не предпринимал попыток снова завязать переписку с Мари. Мазарини действовал без колебаний. Он поручил Олимпии Манчини, ставшей графиней де Суассон, напомнить королю о прежней привязанности. Ловкой красотке это вполне удалось, и через несколько дней в большой квадратной постели она получила несомненные доказательства любви от юного монарха, которому вынужденное целомудрие становилось уже в тягость.

Олимпия обладала и пылкостью, и коварством: по словам одного из мемуаристов, она привязала к себе короля «не столько нежностью, сколько искусством в любовных делах». И король, испробовавший все кровати дворца вместе с пле-

мянницей кардинала, вскоре увлекся настолько, что почти забыл о маленькой итальянке, которая горько плакала в Бруаже.

Именно в это время он решил, дабы спастись от суровых зимних холодов, посетить Прованс и Лангедок, где ему еще не доводилось бывать. Разумеется, Олимпия сопровождала двор в этой поездке, и никого не коробило, что король за полгода до свадьбы обзавелся любовницей. Напротив, Анна Австрийская, разделявшая опасения кардинала, не скрывала радости, выходявшей за рамки приличия. Свидетельством тому может служить донесение полицейского агента Барде: «Королева в восторге, что король вновь сблизился с графиней де Суассон». Далее следует лукавая ремарка:

«Полагаю, ей было бы еще приятнее, если бы эти новости дошли до Бруажа, что, вероятно, в скором времени и произойдет».

Барде был прав, ибо Анна Австрийская, желая отомстить ненавистной Марии Манчини, приказала Олимпии известить сестру о своих добрых отношениях с королем. Несчастливая изгнанница, принеся столь мучительную жертву, не удержалась от жалоб. Она написала дяде трогательное письмо. Вот оно:

«Хотя предыдущее мое послание было отправлено всего два дня назад, осмелюсь еще раз потревожить Ваше преосвященство, ибо положение мое становится весьма затруд-

нительным. Судите сами, права я или нет. Графиня де Суассон сообщила мне, что король оказал ей честь, беседуя с ней, как в былые времена... Умоляю вас о двух вещах: во-первых, пресечь их насмешки надо мной, во-вторых, оградить меня от злоязычия, выдав замуж, о чем прошу со всем смирением.

Разумеется, я не высказывала свою обиду графине, напротив, написала ей самое любезное письмо, поскольку мне хотелось показать, что я сохраняю силу духа в любых обстоятельствах. Только вам признаюсь я в слабости, так как от вас жду защиты. Надеюсь на вашу доброту, ибо нет никого, кто был бы более предан вам.

Мария».

Прочитав это письмо, Мазарини расчувствовался и одновременно встревожился. Он опасался, что король в конце концов узнает о кознях королевы-матери против Мари и что испанский брак вновь окажется под угрозой. Чтобы покончить с жалобами, он запретил Олимпии сноситься с сестрой, а затем объявил Мари, что она в скором времени выйдет замуж за коннетабля Колонна, арагонского вице-короля – красивого, молодого и богатого. Помимо прочего, жениху принадлежало два роскошных дворца в Риме.

Путешествие же Людовика XIV в южные провинции продолжалось без всяких помех.

Весной двор вновь отправился в Пиренеи. 25 апреля 1660 года была сделана остановка в Оше, и король на минутку оторвался от своих развлечений с Олимпией, чтобы черкнуть

пару слов невесте. Читатель может убедиться, что послание оказалось чрезвычайно любезным:

«Мадам, я с величайшим удовольствием пользуюсь данным мне разрешением, дабы написать Вашему величеству и уверить в пылкости моих чувств по отношению к Вам. Я завижду счастьем дворянина, который сможет увидаться с Вами раньше, чем я, и хотя ему приказано должным образом изъяснить Вашему величеству, как я буду счастлив выразить лично мою любовь, сомневаюсь, что он сумеет передать это так, как я бы желал. Я изнемогаю от нетерпения, и если бы меня не утешала мысль, что мы движемся навстречу друг другу, ничто не помешало бы мне немедленно устремиться к Вашему величеству. Пока же я наслаждаюсь, беседуя о ваших совершенствах, ибо со всех сторон до меня доходят суждения, в коих Ваше величество превозносится до небес.

Преданный Вашему величеству всей душой

Людовик».

Очарованная этим письмом, Мария, конечно, и помыслить не могла, что король поджидает ее, проводя все время в героической любовной борьбе с графиней де Суассон.

3 июня в соборе Святого Себастьяна произошло венчание по доверенности: дону Луису де Аро было поручено сочетаться браком с инфантой от имени короля Франции. На этом подобии свадебных торжеств все дело ограничилось невинным соприкосновением рук, а затем епископ Пампло-

ны, служивший торжественную мессу, объявил Людовика XIV и Марию-Терезию мужем и женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.